

Ценность таких концепций заключается в инициировании обсуждений о системном законодательном регулировании новой области, которая получила название робототехника. Дискуссия должна давать ответ насколько нынешнее законодательство можно использовать в регулировании отношений с участием роботов, и какие меры надо предпринимать в области законотворчества в этой области, чтобы не отстать от развития перспективных технологий.

Мархгейм Марина Васильевна,
заведующая кафедрой конституционного и международного права
Юридический институт НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород)

ЭКСПЕРИМЕНТ: ГОРИЗОНТЫ ПРАВОСООБРАЗНОСТИ

«Общественное развитие слишком часто находится в нестабильном состоянии, в нем много неполадок и срывов, но право должно придавать ему устойчивые формы, сохранять и поддерживать именно те порядки, которые наилучшим образом отвечают интересам людей»¹.

Эксперимент (от лат. «experimentum»), традиционно понимаемый как опыт, проба, проверка², синонимически связываемый с испытанием, исследованием, тестом, проверкой, репликацией³, довольно устойчиво вошел в научный, образовательный, практический, бытовой, иной обиход. В научном языке термин «эксперимент» применяется и для сопряженных понятий – целенаправленное наблюдение, воспроизведение объекта познания, организация особых условий его существования, проверка предсказания и т.п. Для одних отраслей науки и сфер жизнедеятельности эксперимент более адекватен и даже имманентен, для других – менее. Так, по мнению Г.В. Мальцева, эксперимент (и игра) «всегда были в почете» в таких сферах общественной жизни, как литература и искусство», при этом право и государственное управление являются (неигровыми) и «неэкспериментальными областями социальной деятельности»; более того «бывали попытки превратить право в игру, экспериментировать с ним, но до сих пор это заканчивалось плохо, не приносило людям ничего, кроме

¹ Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007. С. 115.

² Советский энциклопедический словарь. М., 1968. С.1545.

³ <https://sinonim.org/s/>

разочарований и бед»¹. Однако, можно ли признать такую «негативную фатальность» за следственным или судебным экспериментами, которые тесно связаны и с правом, и с государственным управлением (в широком смысле слова)?

Мальцев Г.В. в дискуссии с «оптимистически настроенными приверженцами синергетической парадигмы», высказал сомнение в способности синергетики «вооружить общество методами «позитивной эвристики», экспериментирования с реальностью, благодаря которым правовое регулирование и государственное управление превратятся ... в поле, рождающее искры инноваций»². При этом классической наукой вполне успешно разработаны теория эксперимента³, научный эксперимент⁴, его место в контексте науки и практики⁵, методологии научного познания⁶, место мысленного эксперимента в познании⁷, особенности социального эксперимента⁸ и др.

Следовательно, по канонам классической науки эксперимент освоился не только на эмпирическом уровне научного познания, но и на теоретическом. Подтверждением тому может, помимо прочего, служить мысленный эксперимент, который ориентирован на получение новейшего или проверке имеющегося знания посредством конструирования идеализированных объектов и манипулирования ими в искусственно (условно) задаваемых ситуациях⁹. Мысленный эксперимент, полагаем, в полной мере соответствует гуманитарным отраслям науки, где современное знание прирастает преимущественно интерпретациями. Мысленный (идеализированный) эксперимент наряду со своей самодостаточностью (невозможностью его практической реализации, включая модельную) предстает и как воссоздание / воспроизведение предстоящего реального эксперимента. Здесь полагаем уместным привести слова Г.В. Мальцева о том, что «утопично думать, будто природу человека можно удержать в узких рамках «малых дел», предписать людям воздерживаться от заинтересованной активности, направленной на изменение природных и социальных условий жизни, на

¹ Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007. С. 108.

² Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007. С. 108.

³ Налимов В. В. Теория эксперимента. – М., 1971.

⁴ Храмович М. А. Научный эксперимент, его место и роль в познании. – Минск, 1972.

⁵ Капица П. Л. Эксперимент, теория, практика. – М., 1974.

⁶ Рузавин Г. И. Методология научного познания. – М., 2012.

⁷ Макаревичюс К. Место мысленного эксперимента в познании. – М., 1971.

⁸ Рывкина Р. В., Винокур А. В. Социальный эксперимент. – Новосибирск, 1968.

⁹ Стёпин В.С., Абушенко В.Л., Голдберг Ф.И. Эксперимент мысленный. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002–2018 (последняя редакция: 12.05.2018). URL: <http://gtmarket.ru/concepts/7006>

управление и регулирование общественных процессов в субъективных интересах»¹.

Отметим, что содержательные грани эксперимента, сформировавшись в естественнонаучной среде, все четче и разнообразнее проступают в различных отраслях социальных наук, включая юридическую.

В Советском энциклопедическом словаре эксперимент получил универсальную трактовку как «чувственно-предметная деятельность в науке; в более узком смысле – опыт, воспроизведение объекта познания, проверка гипотез и т.п.»². В нем, вероятно, в связи с преобладающими тогда тенденциями уделено внимание также различного рода экспериментальным учреждениям: Институт экспериментальной медицины, Институт экспериментальной минералогии, Институт экспериментальной эндокринологии и химии гормонов. Отметим, что об экспериментальных / опытных учреждениях / заведениях речь идет в ст. 14-а действующей Конституции Австрии. В ней установлено, что публичные школы в области сельского и лесного хозяйства, организационно связанных «с каким-нибудь федеральным опытным заведением в области сельского и лесного хозяйства» (п. «с» ч. 2), «федеральные опытные заведения, относящиеся к сельскому и лесному хозяйству» (п. «g» ч. 2), «создание ... опытных заведений в области сельского и лесного хозяйства» (ч. 5) относятся к ведению Федерации.

Большой юридический словарь, следуя жанровой специфике, подступился к пониманию эксперимента через «экспериментальную разработку»³ с опорой на легальное определение, сформулированное в Федеральном законе от 23 августа 1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»⁴. Так, экспериментальные разработки трактуются как «деятельность, которая основана на знаниях, приобретенных в результате проведения научных исследований или на основе практического опыта, и направлена на сохранение жизни и здоровья человека, создание новых материалов, продуктов, процессов, устройств, услуг, систем или методов и их дальнейшее совершенствование».

Отметим, что в ст. 2 названного закона в контексте определения фундаментальных научных исследований наряду с теоретической упоминается экспериментальная деятельность, которые направлены «на

¹ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 114.

² Советский энциклопедический словарь. М., 1968. С.1545.

³ Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 1998. С. 773.

⁴ Федеральный закон от 23 августа 1996 № 127-ФЗ (ред. от 23.05.2016) «О науке и государственной научно-технической политике» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/c0a49fc869aeeb5b28ca88d3d37b7d8f7474375f/

получение новых знаний об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, окружающей среды». Из этого следует, что экспериментальная деятельность, во-первых, законодательно связана с практической (не теоретической) сферой; во-вторых, способствует получению новых знаний, касающихся, в-третьих, основных закономерностей строения и развития человека и общества. Полагаем, что в совокупности со строением и развитием государства это вполне коррелируется и с предметом конституционно-правовой науки¹. Это поддерживает идею не просто об уместности, но и востребованности экспериментального исследования конституционно-правовых явлений и процессов. Поддерживает эту идею и конституционное закрепление эксперимента (опыта), а также его исследование, например, в европейских² и постсоветских³.

Анализ конституционных текстов зарубежных стран⁴ явил упоминания о «научном эксперименте» (ч. 3 ст. 26 Конституции Португалии), «осуществимом опыте самоуправления» (ч. 3 ст. 85 Конституция Португалии), «медицинском эксперименте» (ст. 18 Конституции Эстонии). В Конституции Франции (ст. 37-1) допустимо содержание в законе и регламенте положений «экспериментального характера». О «медицинских, научных и иных опытах» речь идет в ч. 2 ст. 21 Конституции России.

Следует в известной мере согласиться с мнением, что при наличии опыта правового регулирования и проведения правовых экспериментов в России «в настоящее время эта форма правотворчества используется недостаточно, хотя она могла бы быть полезна развитию права»⁵ особенно в тех случаях, когда отсутствует регулирование по предмету эксперимента, когда наличествующее регулирование не препятствует правовому эксперименту, когда предлагается новое, не соответствующее существующему регулирование. Вместе с тем следует тщательно осмыслить сформулированные Г.В. Мальцевым предупреждения, адресованные и осторожным, и рьяным экспериментаторам от науки и практики.

¹ Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001.

² Г.Г. Загайнова. Конституционные образы эксперимента: подходы европейских государств // <http://nv.bsu.edu.ru/nv/mag/03/>

³ Загайнова Г.Г. Конституционный императив недопустимости экспериментов над людьми в странах СНГ // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 3 (94). С. 40-42.

⁴ <http://worldconstitutions.ru/>

⁵ Сивицкий В.А., Сорокин М.Ю. Правовой эксперимент и развитие права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 15.